

ИЛЬ КАНЕСС ПО ТУ СТОРОНУ МОСТА

ОФОРМИТЕЛЬ СЛОВ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Иль Канесс

По ту сторону моста

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54977000

SelfPub; 2026

ISBN 978-5-532-06291-7

Аннотация

Поразительные, дерзкие и трогательные воспоминания школьника 90-х и студента начала 00-х. Крепкое словцо, блестящий юмор, неповторимый слог и суровая постсоветская Россия в беспощадных мемуарах. Кто гудрон не жевал, тот жизни не видал. Книга причиняет добро и подвергает смеху. Содержит нецензурную брань. Надо брать.

Содержание

Вареньевый эпизод	5
Незванные гости	11
Триумф пожарного шланга	14
Строго на юг	19
Атрибуты весны	24
Метрострой	31
Лапы, уши и хвост	36
Отличная навозная сделка	41
Агроном наносит ответный удар	51
Интеллигентная завязка	57
Недостающее ведро	67
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Иль Канесс
По ту сторону моста

Вареньевый эпизод

У моей старшей двоюродной сеструхи был знатный пёсель-доберман по кличке Джек. Иногда она приходила с ним в гости. Тогда я страшно радовался, ведь у нас у самих в квартире никогда не было кошки или собаки. На то были причины.

Мама выросла в деревенской глухомани Омской области и считала, что незачем держать в квартире домашних животных. Это бессмысленно. Мышей здесь нет, случайные прохожие по квартире не ходят; а вот в деревне кошка нужна, чтобы паскудных грызунов ловить, а собака служит непревзойдённым охранником и сигнализацией. Присутствие котопсов оправданно ощутимой пользой.

К тому же, со слов мамы было ясно, что в деревенской избе за такими «домашними» животными убирать не надо, как и выгуливать по утрам, нацепив намордник. Они САМОСТОЯТЕЛЬНЫЕ. А вот в квартире – лотки, обоссанные обрывки газет, изгрызенная и обслюнявленная мебель, а также ЗАПАХ. Кошмар. Категорическое вето касалось также различных попугаев, хомяков и рыбок – их мама тоже категорически не понимала.

К Джеку она относилась сдержанно и нейтрально. Как ГОСТЬ он был всегда учтив, молчалив и чистоплотен. Их общение сводилось к минимуму. Суровый мамин взгляд

как бы говорил: «если будешь плохим мальчиком, то я из тебя шапку сделаю». Пёс, наверняка, понимал, что сама мама вряди это умеет, но зато ловких шапкоделов знает уж точно.

Например, наша бабушка Зоя Семёновна, которая изготавливала на дому на заказ отличные меховые шапки. Но это так, к слову. В целом же Джек был совершеннейший хороший мальчик и поводов для порчи породистой репутации не давал.

Сеструха жила на улице имени лихого революционера Олеко Дундича, а мы на проспекте матёрого чекиста железного Феликса. Путь от лихого революционера до рыцаря революции не сильно труден и далёк. Примерно шесть остановок. Приходя в гости, утомлённый прогулкой Джек всегда садился на диван и смотрел телевизор, пока люди разговаривали на кухне.

...В тот хмурый осенний день нас повели в «Берёзовую рощу» собирать листья для гербария. Я сильно обрадовался. Раз-вле-ку-ха. По городу шагала осень, в рюкзаке болтался новый пенал, а под ногами шуршала золотистая листва. Отлично!

– А вот здесь раньше стоял самолёт ТУ-104... – говорит нам учительница, пока мы шагаем по парку. – Потом самолёт убрали.

Весь наш класс дружно заявил, что это плохая была на самом деле идея убирать самолёт.

Неожиданно мои ботиночки наткнулись на что-то мягкое в листве. Я остановился.

– Илюша, ты чего там встал, как вкопанный? – спросила учительница.

– Тут белка... мёртвая, – отозвался я.

Все мальчишки немедленно подбежали ко мне посмотреть внимательнее, а девчонки сказали: «Фу! Бедная белочка!» и жалостливо отвернулись. Мы же с пацанами раздобыли палки и начали тыкать бездыханную тушку несчастного животного.

– Давайте сделаем из неё ЧУЧЕЛО?

– Давайте её в школу отнесём?

– Давайте её похороним?

– Давайте её в школе похороним?

– СМАТРИТЕ, ТАМ ЧЕРВИ ШУВЕЛЮТСЯ!

– Мальчики, оставьте её и пойдёмте дальше, – брезгливо сказала учительница, а потом ангельским голосом добавила: – Не переживайте, девочки, белочка на небесах, ей не больно...

Я вернулся с уроков. По разговорам из кухни понял, что у нас в гостях сестра и Джек. Мне выдали бутерброд с маслом и вареньем и выпроводили в зал. Джек как обычно залипал в телевизор после прогулки, а я, усевшись рядом, начал жрать. Хотелось с кем-то обсудить труп несчастного создания в парке. На дворе неистовствовали лихие 90-е, не самое

спокойное время. Гибли даже белки.

– Послушай, Джек, – сказал я, облизывая пальцы от растекающегося варенья. – Сегодня у нас в школе была экскурсия, и мы нашли в парке мёртвую белку. Она валялась в листьях. В ней завелись ЧЕРВИ. Представляешь? – Пёс никак не реагировал, глядя в экран, а я продолжал: – Девочки распереживались, начали носы воротить... Учительница сказала, что белочка отправилась на небеса. Ха! Глупость какая. Девочки такие впечатлительные. Почему нельзя прямо сказать, что она просто сдохла? Джек, – я приобнял здоровенного пёселя, – ведь мы с тобой знаем, что только псы попадают в рай. Верно? Ты вот когда умрёшь, я расстроюсь. Но ты не переживай, Джек, такова жизнь. Она не предсказуема. Всякое бывает. Вдруг тебя машина сошьёт или ты кошкой подавишься. И всё, ты умер! Это может случиться когда угодно. Хотя бы сегодня.

Я откусил смачный кусок от бутерброда и продолжил с набитым ртом:

– Но я буду помнить тебя, дружище. Что ты любил... – я глянул в телевизор. – Любил криминальную хронику смотреть...

Я махнул бутербродом. Кусок хлеба предательски выскользнул и упал на пол.

Мы с Джеком посмотрели вниз, на измазанный теперь маслом и вареньем ковёр. Потом мы с псом посмотрели друг на друга. Потом снова на бутерброд.

– Знаешь, что, Джек, – я начал непринуждённо сползать с дивана в сторону своей комнаты. – А я ведь сразу хотел угостить тебя этим бутербродом. Да-да.

Пёс наострил уши.

– Да-да, Джек. Всё так. Тем более, как мы выяснили, уже сегодня у тебя есть шанс умереть страшной смертью. А сладкое напоследок, знаешь, придётся очень даже кстати. Что скажешь?

Пёс начал подозревать неладное.

– Давай, ешь скорее бутерброд! – воскликнул я.

Джек понял расклад, завыл и, спрыгнув с дивана, ломанулся в коридор.

– Ах, ты собака сутулая!...

– Нам пора, – услышал я голос из кухни. – Джек домой просится.

В зал неожиданно вышли все родственники. На полу валялся бутерброд. Я же стоял в проёме двери своей комнаты уже одной ногой. Побег почти удался. У людей сразу возникли вопросы:

– Ты почему с едой балуешься? – строго спросила мама, увидев хлеб на ковре и кусочки ягоды-малины.

Я замялся, застигнутый врасплох. Ко мне было приковано множество растерянных глаз.

– А это не я! – сделал я невинное лицо и пожал плечами. – Я уроки делал, а Джек телевизор смотрел. Он попросил и я с ним поделился бутербродом, но он свою половину есть

не стал и бросил. ЗАЕЛСЯ. Ещё он слишком много смотрит криминальной хроники...

– Неужели?..

– Ага. А хотите, я вам про белочку в парке расскажу?

– О ней лучше батяне своему расскажи, – сказала мама. – Быстро подошёл сюда.

Моя версия хлебобулочной катастрофы никого не устроила. Мне сделали строгий выговор с бесполезным занесением ремнём по жопе и более ощутимым – запретив мультики до завтра.

Что сказать, Джек не особо ладил с детьми. На то были причины. Это был воспитанный и уравновешенный пёс, ЛИЧНОСТЬ. А я... а что я.

В комнату зашла бабушка. Погладила меня по голове.

– Держи. Я тебе пельменей нажарила. Как ты любишь – мясо всё вытащила и одно тесто оставила. Кушай.

– Спасибо, ба!

– Что там за белочка в парке была? – спросила бабушка.

– Сперва учительница сказала, что в парке стоял самолёт, а потом я наступил на мертвую белку. Представляешь!

– А, так это нормально! – махнула рукой бабушка. – Раньше на месте парка же кладбище было. ПОГОСТ! Так что там сейчас все по покойникам ходят. Ты не переживай сильно...

Незваные гости

Мама утром ушла на работу мыть пол, сказав, что скоро вернётся и принесёт сладостей. Я устроился перед телевизором, пока младшая сестра играла в свои куклы. Мы проводили время в ожидании сладостей как могли. Я даже успел накатить стакан подсолнечного масла, перепутав его с квасом. Пока меня тошнило в ванной, раздался звонок в дверь. Я немедленно сломя голову выскочил в коридор, открыл замки и распахнул дверь.

Пришла мама и сладости! Слышу, как по залу ко мне бежит сестрёнка.

Но на пороге квартиры стоит не мама, а два помятых мужика с позавчерашними лицами. Я принимаюсь закрывать дверь, но силёнок у меня мало и «колдыри» вваливаются в квартиру, что-то неразборчивое бубнят и плюхаются на диван перед телевизором.

– ВЫ КТО ТАКИЕ?! – интересуюсь я.

Уже глядя в телевизор, мужик махнул рукой, мол, отвали, щегол.

Я сжал кулаки. «Эх, наган бы! Я бы этим контрам устроил танцы!».

Поняв, что реагировать на меня никто не собирается и, заметив, что сестрёнка затаилась под кроватью, я решительно побежал на кухню, распахнул форточку и закричал:

– Тётя Валя, тут какие-то мужики к нам пришли!

На лавочке перед парадным входом всегда сидели соседки-бабушки, обсуждая наркоманов, потенциальных наркоманов, проституток, потенциальных проституток, алкашей и Ельцина. Среди них соседка из квартиры напротив – тётя Валя, – большая и сильна женщина. Услышав мой отчаянный крик, она немедленно отправилась на помощь.

Первого мужика, как котёнка, она за шкварник выволокла в коридор, а второй, сильно ошарашенный, побежал следом. Тётя Валя попутно объясняла им основные правила гостеприимства:

– Ах, вы пидоры гнойные! Паскуды! Убогие имбецилы! Крысы потыканные!

Мужики сразу активизировались и начали втягиваться в происходящее.

– Пусти ты, ведьма! – беспомощно кричали они.

Но из хватки тёти Вали вырваться непросто. Уже на улице меж лавочек, на глазах у всего подъезда, она мутузила их, схватив каждого за воротник:

– Шары свои залитые протрите, гамадрилы мошоночные! Куда вы прётесь! Да я вас, синих губошлёпов, сейчас как изоленту на рябину намотаю!

Она сталкивала их друг с другом, а мужики, как рыбы, хватали ртом воздух, пытаясь уцепиться за что угодно, лишь бы перегрузки прекратились. Из-за поворота появилась наша мама, успев к разгару корриды. Щёлкая семечки

на лавочке, бабушки-соседки немедленно объяснили ей происходящее и ввели в курс дела.

Мама пришла в страшную ярость и схватила одного из мужиков. Неуклюже, но чётко, она выписывала несчастному удары по ошарашенной морде кулаком. Тётя Валя освободившейся рукой, словно рельсой, также начала раздавать прямые в челюсть, ухо и нос.

С трудом сообразив, что разъярённые женщины полны энтузиазма и переполнены энергией, мужики с помятыми рожками всё-таки вырвались и начали срочно эвакуироваться из города с криками:

– Хоспаде! Зачем же так БИТЬ!

Они побежали, высоко перепрыгивая через песочницы и ловко огибая качели, а через три секунды скрылись за углом «хрущёвки».

– Алкаши-разрядники! – восторженно воскликнули бабушки на лавочке.

Мама зашла в квартиру. Сказала мне несколько ласковых слов о том, что нельзя открывать дверь, не поинтересовавшись, кто пришёл. Я сказал, что впредь буду более внимательным.

Триумф пожарного шланга

Свои первые большие деньги я заработал очень легко – слепив из пластилина пожарную часть №4 по ул. Комбинатская, где мама работала техничкой. Мне было шесть лет.

А папа работал на лесопилке без номера и зарплату там почти не выдавали или выдавали опилками. Так что денег было мало, но я в тонкостях разрушенной экономики 90-х мало разбирался и постоянно просил сникерсы, игрушечных трансформеров или вагенвиллсы.

– Заработай и купи, – говорили мне. – Думаешь, это легко?

– Откудова мне знать, я на работу ни разу не ходил... – обиженно бубнил я.

Меня немедленно решили научить уму-разуму.

Лесопилку я бы сразу спалил, а вот проделать такое с пожарной частью мне вряд ли бы удалось, поэтому я стал проводить время с мамой на её работе. «Штоб знал – каково это!».

– Это безопасное место! – утверждала бабушка. – Уж лучше там, чем во дворе, где одни наркоманы клей нюхают... Что может произойти с маленьким юношей в пожарной части?

Эх, бабушка...

Во внутреннем дворе пожарной части стояла старая дере-

вянная наблюдательная башня. За ненадобностью её основательно давно заколотили, потому что гнилая и скрипит под ветром. Она стояла неприступной десятилетиями.

Её я излазил вдоль и поперёк в первую очередь, разглядывая всякое сверху. Ведь, если башка пролезла, то маленький чекист с бластером пролезет полностью.

Ещё во дворе стоял старый разобранный самолёт. Ребятишки могли рассчитывать лишь на ржавую ракету из листов железа перед домом, а у меня одного был НАСТОЯЩИЙ самолёт.

Я ходил на работу. Правда, не работал. Болтался из угла в угол по территории части. Короче, был бесполезен, как садовый шланг в середине января.

Взрослые думали, что я сильно устаю вставать по утрам и проводить целый день в непонятном месте. Ехидно спрашивали:

– Понял, что такое зарабатывать деньги? Нелегко – ходить на работу?

– Не особо. Ещё неделю поработаю.

– Да задумал он что-то, – листая газету, говорил батька. – А вы ему верите.

– Нет, он умница: целую неделю рано вставал и не просился домой, – сказала мама. – Заработал себе на новый пуховик!

На следующей рабочей неделе ловко лазая по огромному сугробу за пожарной частью, я нечаянно сорвался вниз

и упал на бетонные блоки напрямик своей пухлой мордашкой. И даже бровью не повёл. Особенно правой, которую основательно разбил.

Как бы то ни было, но ныть по такому случаю я не стал, потому что бровь всё равно зашьют. Подумаешь. Не в первый раз. Волновало другое: я в этот день надел новый пуховик и замазал его в кровище.

– Сына, – смывая с моей рожи кровь, говорила расстроенная мама. – Ну как так?.. То ты себе об бордюр ЛЕВУЮ бровь разобьёшь, пока батька машину моет; то по колено погрязнешь в какой-то трясине посреди двора, тестируя новые резиновые сапоги; то выпьешь стакан растительного масла, думая, что это квас... Будь, пожалуйста, повнимательнее!

– Хорошо, мам.

Мы вернулись домой.

– Я же говорил, – сказал батька, листая газету. – Хитрожопый он. Не берите его больше в пожарную часть, пока он её нахер не спалил.

Бабушка ойкала и ахала, какой же я, мол, невнимательный...

– А я его на концерт самодеятельности пожарной части записала... – вздохнула мама. – Вот как теперь? Надо стих выбрать, поделку сделать...

– С разбитой рожей пусть Есенина читает, – предложил батька. – Из пластилина что-нибудь слепит. Бездельник. И в кого он такой?

Он громко поправил газету.

Прошла неделя. Меня нарядили в красивую рубашку с широким воротником, брючки и большой галстук. На правую бровь наклеили аккуратную полоску лейкопластыря.

Я вышел на сцену актового зала пожарной части и оглянулся. Мама, одетая в красивое платье, стояла на краю сцены и взволнованно сжимала в руках платок. Но я всё выучил и помнил. Кивнул ей и начал, детским, звонким голосом громко рассказывать на весь зал:

Белая берёза

Под моим окном...

Закончив, отвесил поклон. Мне аплодировали. Я снова посмотрел на маму. Она была рада.

И тут настал гвоздь номера: я эффектно махнул рукой как Амаяк Акопян и на сцену приволокли стол, на котором я из пластилина бережно слепил целую пожарную часть. Все поднялись с мест, чтобы разглядеть поближе. Затем стол опустили вниз к первым рядам. Все восхищённо загудели:

– Надо же!

– Да вы поглядите!

– Как аккуратно!

– А сколько тут всего!

Народ пребывал в восторге. Я гордился собой, мною гордилась мама и вообще все. Это был триумф. Не зря я ходил две недели «на работу». Вроде бездельник, и рожа разбита... а тут такое.

За яркое выступление и пластилиновую пожарную часть маме немедленно выдали премию – половину её зарплаты. Совсем неплохо для шестилетнего славного малого.

Мною дома все немедленно загордились.

– Молодец какой! Весь в меня! Завтра на лесопилку поедем стихи читать и опилки склеивать! – потирая руки, сказал батька.

Строго на юг

И тут я узнаю, что квартиру будут продавать, а мы переезжаем в какую-то сельскую глухомань. Вещи погружены в кузов грузовика и мама говорит:

– Сынуля! В кабине грузовика всего три места. Начнём перекличку. Батяня твой – водитель и он будет рулить из кабины. Сестра твоя ещё маленькая, поэтому она тоже сидит в кабине, а я – с ней. Проще говоря, мест больше нет. Если гаишники увидят лишнего пассажира – нам выпишут ШТРАФ...

Я страшно обрадовался, предположив, что меня оставят и я, как безпризорник, буду жить в подвале со всякими местными тронувшимися разумом интеллигентами.

– ... и получается, что ты поедешь в КУЗОВЕ, – закончила мама.

Где-где?.. Я посмотрел вверх на кузов, а точнее на его борта, из-за которых торчали макушки шкафов, холодильника, ковров или паласов, гардин и всякого прочего.

– Я буду ехать в шкафу?..

– Нет, – попинав колесо, сказал батька. – Мы же тебя любим! Ты поедешь в кузове на специально оборудованном месте. Там матрасы, одеяла. Совершенно комфортно преодолеешь путь в стописят километров на юг.

На дворе стоял ноябрь, было пасмурно и прохладно, меня затолкали в ватные штаны, надели на плечи огромную шубу,

а на голову какую-то пуховую шапку. Толпой подняли в кузов, усадили на подготовленное место и вручили сухпаёк

– Сиди и не высовывайся, – сказал батька, выглядывая из-за края борта. – Нам, главное, за пределы города выехать и миновать пост ГАИ на вшивой горке. Если что-то срочное, стучи по кабине, мы откроем окошко и дадим тебе чупа-чупс.

Эй, а если...

Но никаких уже "если". Двери захлопнулись. Грузовик тронулся.

Это конец...

Я глядел, как позади остаётся родимая «хрущёвка», в которой квартира, полученная тридцать лет назад дедушкой Александром Трофимовичем.

Я прощался с привычным и знакомым миром, который мне страшно нравился, а впереди маячила прекрасная сельская житуха, вообще непонятно какая.

Впрочем, ехать в кузове, конечно же, мне страшно понравилось. А когда мы начали двигаться уже не по Чуйскому тракту, мне разрешили встать за кабиной и глядеть на дорогу вперёд.

Я открывал рот, чтобы ветер надувал меня, как дирижабль.

Но я не надувался.

Столько полей и деревьев я в своей жизни не видел. Они, преимущественно, были одинаковыми и скоро наскучили.

Мы двигались дальше, в самую глубь этих неведомых красот.

Наконец, спустя три часа, прибыли на место. Было очень ТИХО и СВЕЖО. Когда мы затащили все вещи в нашу теперь ИЗБУ, мама наскоро пожарила яичницу. Перекусили. Сидя на каком-то сундуке и изумлённо озираясь, я спросил:

– Это всё наше... Ну, дом и всё вокруг?

– Да, – сказала мама.

Батяня тут же закурил и поведал мне такую историю:

– Однажды, спустя несколько лет после окончания войны, твой дедушка Александр Трофимович купил себе мотоцикл и предложил своей матери Акулине поехать на нём в Алтайский край на малую родину. Она согласилась. Вот представь, тридцатилетний слесарь авиационного завода, и его пятидесятилетняя мать мчатся на мотоцикле по Чуйскому тракту. То есть по тому же пути, по которому ты сегодня ехал в кузове. Впрочем, у них впереди расстояние было гораздо длиннее – почти пятьсот километров. Согласись, не самый простой способ погостить у родни! Они спокойно себе доехали до места назначения. Вот и ты сегодня тоже большой молодец! – потрепал батяня меня по лохматой голове. – Ехал, можно сказать, по старинке!

– Хм, – я загордился собой и немедленно спросил: – А ты мне купишь мотоцикл, как у деда? Я тоже однажды маму к родственникам свожу!

– Может быть, – ответил батяня. – Может быть...

А потом сельская реальность раскрыла все свои карты.

«Трансформеров» и «Вольтрона» в дремучем селе, оказывается, не показывали. Ещё вместо пенной ванны с уточками тут была БАНЯ с тазиками, а вместо блестящего унитаза уличный СОРТИР.

Я немедленно расстроился от таких фокусов с жилплощадью. Поэтому, немного походив по пустынной округе, решил, что пора сделать заявление. Так жить нельзя!

Я запросился обратно и, наматывая сопли на кулак, ревел:
– Мы жили... жили на проспекте... на целом ПРОСПЕКТЕ! имени Дзержинского... железного Феликса... мне револьвер системы Наган обещали... а тут... тут даже улицы НИКАК не называются! ХОЧУ ОБРАТНО!

– А ну-ка прекращай нытьё! – строго говорила мама. – Не поедем мы обратно. Теперь это – наш дом...

– Обратно хочу!!! Обратно! А-а-а-а!

– Сейчас по жопе получишь!

– А бейте! Бейте! Лучше умереть, чем жить в этой глуши!

– Ох, сейчас ты получишь по первое число! Щас я тебе дам! – страшно гневалась она и пыталась поймать меня за воротник.

Лучше не попадаться. Потому что ладонь у мамы крепкая, а жопа моя нежная при нежная.

Я бегал от неё кругами и визжал, как поросёнок:

– Мама, мамочка, не надо! Я передумал, мне тут ОЧЕНЬ нравится!..

Она не поверила. Отхватив скакалкой по нежной жо-

пе свистящих аргументов и фактов, я несколько дней хмуро слонялся по окрестностям, упорно размышляя над тем, чем же заняться в глуши девятилетнему чекисту.

Атрибуты весны

С самого раннего возраста я много слышал о том, какая весна, оказывается, прекрасная. Все говорили, что весна – это когда природа расцветает, жаворонки поют, и лес в каждой ветке проснулся. Что это свежесть и прохлада ласкового утра, а глаз радуется расцветающим краскам оттепели и хочется делать что-то доброе. Красота, в общем, неопишуемая.

Но до десяти лет я был убеждён, что весна в таком «фантастическом» виде просто не существует. Было очевидно, что все эти описания – просто мечтательные выдумки Афанасия Фета или Фёдора Тютчева, чтобы стихи ловко сочинять. Никаких улик в подтверждение «прекрасной весны» вокруг не было, только сомнительные заявления про жаворонков и липовый мёд, которые звучали весьма оригинально, хотя и чертовски складно.

Но глаз не обмануть. Придомовые территории между проспектом Дзержинского и улицей Промышленной, где я жил, весной выглядели так, словно сюда ёбнулся огромный астероид, состоящий из грязи, бутылок, окурков и целлофановых пакетов. Весь этот срач удивительным образом распределился равномерным слоем по абсолютно каждой поверхности спального квартала, создавая широчайшую палитру красок от тёмно-серого до светло-чёрного цветов уныния.

Ох уж эти краски весны! Оглянись вокруг!

Грязь, словно радиация, всепроникающая и тотальная. Из разноцветных куч мусора торчат голые кусты и прутья арматуры. Под толстым слоем всего этого пиздеца местами всё ещё лежит лёд, который, кажется, не растает теперь никогда. А вокруг, вместо жаворонков, шатаются обдолбанные любители нюхать клей «Момент». Так и живём. Радуемся жизни среди прекрасных атрибутов весны. Здорово и вечно.

Именно в такой мир я выхожу из дома каждый день в школу. Заковыристыми путями шагаю среди стройных рядов «хрущёвок». Маневрирую. Обхожу густо намешанную грязь, чтобы ступить на участок рыхлой грязи. Отсюда вскакиваю на влажный бордюр, а с него, аки лев, отчаянно прыгаю через мутную жижу. Так я оказываюсь на островке умеренно грязной грязи. Но это западня, практически ловушка. Дальше пути нет – вокруг разлилась лужа неизведанной глубины. Тут если только вплавь на плоту из говна и палок. Но отчаиваться рано – в рюкзаке сменка, а у входа в школу корыто с водой и тряпкой на деревяшке – отмоюсь от любой грязи.

Самое время оглянуться в поисках весны Афанасия Фета. Щурясь сканирую местность. Здесь такой точно нет.

Впрочем, весна кардинально изменилась после того, как мы переехали из большого города в сельскую глухомань. Как оказалось, талантливые поэты довольно точно и правдоподобно описывали весну, которая именно за городом представала во всей красе и многообразии. Стало очевидно, что весна – это в основном про окружающий мир за пределами

города.

Теперь я сельский паренёк и по-прежнему каждое утро хожу в школу. Но здесь в глухомани уже довольно извилистым путём: спускаюсь с высокого холма, перехожу через реку и, поднявшись на холм с другой стороны, шагаю по длинной улице мимо избушек в кирпичную цитадель знаний. В целом довольно увлекательно. Азимут-хуязимут, два локтя по карте и я на краю глобуса изучаю арифметику. И никакой тебе на пути грязевой жижи, целлофановых пакетов и обдолбанных наркоманов. Только матушка-природа. Хорошо, свежо и не везде сильно грязно.

В один прекрасный во всех отношениях день я спускаюсь к реке и наблюдаю ещё один ошеломительный атрибут весны – ПАВОДОК. Это очень коварный атрибут, стихийный и не предсказуемый, как оказалось.

Стоя я на берегу и наблюдаю следующую картину – понтонный мост с берегов по-прежнему скован льдом и находится подо льдом, а посреди реки растаял и находится под водой. Воды, в общем-то, немного, даже доски видно. Но ходить по такому мосту второкласснику не рекомендуется, поскольку резиновые сапоги могут быть сколько угодно бесконечно высокими, но только толку от них мало, если ноги у второклассника не особенно длинные. Тем более, есть великолепный шанс ненароком поскользнуться и пиздануться прямо в ледяную реку, чтобы незатейливо потонуть. Кричать бесполезно, потому что никто не услышит, тут кроме

меня, реки, снега и горящих торфяников никого нет.

Я возвращаюсь домой и сообщаю:

– Отец, там неистовствует паводок и по мосту пройти нельзя. Што делать и как же так.

Батя неохотно поднимается с дивана, поправляет трухляны и ворчит:

– Тебе лишь бы в школу не ходить.

Наливает крепкий чай, громко пьёт, одевается, берёт из сарая самое совершенное инженерное решение в мире по долбёжке замерзшей воды – ледоруб-топор. Мы спускаемся к реке. Отец принимается яростно хуячить лёд по краям вмерзших секций понтонного моста, чтобы те освободились от зимних оков и ловко всплыли. У центра моста дело ладится, а вот ближе к берегам лёд по-прежнему крепкий и толстый. Не поддаётся. Бесполезно.

– Да и хуй с ним, – говорит отец. – Само через три дня растает.

Я прохожу по всплывшим секциям моста на противоположную сторону. Разворачиваюсь и машу батяне рукой, мол, отличная работа, старик! Тот одобрительно кивает и, утопая в папиросном дыму, отправляется домой.

Став сельским жителем я с каждым новым днём узнавал о весне много нового и неожиданного. Порою открывались весьма забористые факты. Сидим мы, значит, утром на завалинке: я – после школы, дядя Миша после пьянки и дядя Коля после тюрьмы. Они пьют брагу, а я так, погулять вышел

и присел уши погреть.

– Весна – самое подходящее время для того, чтобы выходить из тюрьмы! Я тебе говорю! – сообщает мне дядя Коля по прозвищу «Слепой» и хитро подмигивает мутным глазом.

Жуть. Я молчу.

– А ведь именно в тюрьме я ослеп! Понял! – добавляет он.

Ну, охуеть, теперь, дядя Коля. Очень информативно. А как же ты сюда незрячий с другого конца улицы дошкандыбал? Наощупь с помощью феноменальной памяти или палки-топталки фотографической?..

– А ты в каком классе? – спрашивает он, продолжая допрос.

– Во втором! – деловито отвечаю я.

– Ещё семь лет и амнистия! – восклицает дядя Коля.

– А что такое амнистия? – интересуюсь я.

Дядя Миша возмутился:

– Хватит свою уголовщину толкать! – ругается он, и, повернувшись ко мне, говорит: – Иди, лучше соку берёзового из ведра зачерпни.

А вот это ещё один весенний атрибут – сочок из дерева!

В саду у дяди Миши, а точнее его матушки, нашей непосредственной соседки – Марии Наумовны помимо всяких вишен, слив и крыжовников в углу плетёной изгороди растёт три берёзы. В стволе одного из деревьев дядя Миша просверлил отверстие, в него вбил деревянный желобок, на которое повесил ведро, куда, собственно, и стекает теперь сок.

Технология!

Я вооружаюсь ковшиком, зачерпываю из ведра слегка мутную водичку, возвращаюсь к разговорчивым соседям, разливаю сок по кружкам и продолжаю слушать различные познавательные истории про то, как правильно заворачивать махорку в газетку или как на глаз определять, сколько индийского крупнолистового чая нужно для чифиря.

Ближе к обеду вдоволь наслушавшись всяких уголовных историй, выхожу на большую дорогу и оглядываюсь. Природа всё ещё дремлет. Да, местами на дорогах присутствует грязь, но нигде нет ни окурков, ни целлофановых пакетов, ни торчащих арматур. Чисто, свежо и невероятно просторно. Действительно, самое лучшее время года для амнистии!

– Внатуре! – восклицаю я.

На вечернем автобусе из райцентра приезжает внук Марии Наумовны – Серёга. Он на год или два старше меня. Я вижу, как он идет по огороду с сумкой. Машу ему рукой, сидя на краю крыши сарая с сачком, в который ловлю майских жуков. Серёга машет в ответ. Чуть позже, наловившись бабушкиных ватрушек с творогом, он заходит ко мне и радостно говорит:

– Мы с дядей Мишей сейчас в ночь на водопад пойдём за рыбами. Бери сачок. Река почти растаяла и рыба пойдёт! Должна попереть... Думаю, как раз сегодня начинается весенний рыбопад! Должен начаться... И мешок возьми, который унести сможешь. Наловим, насолим и навялим рыбы на

всё лето!

Отличное предложение! Думается мне. Скоро на водопаде полдеревни соберётся. Даже трактор с телегой прикатят. Рыбы будет море. Хватай и складывай в мешок. Весна же! Повсюду природа расцветает, жаворонки поют, и лес в каждой ветке проснулся! Красота, в общем, неопиcуемая. Тютчев, надо сказать, по этому поводу очень ловко подметил: весна в окно стучится и гонит со двора! И это верно. Кто бы сомневался!

Метрострой

За моим окном наметало огромный, как дирижабль, сугроб. Однажды глядя на эту бесполезную гору снега, я понял, что пора... Пора строить метро!

Летом куча развлечений: речка, руины разваленной совхозной фермы, свалка сельхозтехники, походы в лес, футбол с пацанами, шалаши и прочее. Зимой же ассортимент игр скудный.

Ах, это особенное время! Когда за окном минус сорок три, занятие в школе отменили и, по такому случаю, детвору с улицы палкой не выгонишь: снежки, санки, лыжи и все страшно рады, что в школу не пошли. Маленькие сибиряки антиморозны.

В один такой замечательный морозный день я и решил вырыть в несуразном сугробе красивые ТОННЕЛИ.

– Сына, ты куда? – спросила мама.

– Метро строить.

– Какое ещё метро?

– От станции «Дом» до станции «Сарай бабы Маши».

Мама посмотрела на меня со значением, а батька сказал:

– Нет, чтобы снег во дворе почистить, он МЕТРО рыть собрался.

На что мама справедливо заметила примерно следующее:

– Ты бы сам на диване не валялся, а пошёл бы и почи-

стил... Лежишь целыми днями и ничего не делаешь.

– Я думаю о нашем будущем.

Батяка всегда из неправильной формы сугроба делал аккуратные кубики и складывал рядом. Мама такое решительно не приветствовала и строго велела не делать во дворе снежный городок.

Они продолжили спорить, а я слинял.

Стоить заметить, что время с трёх часов дня и до пяти вечера я решительно не могу терпеть до сих пор. Это самое унылое время в сутках. И рыть тоннель в данном случае – сказочное развлечение.

Половину дня я ползал по сугробу на коленях, рыл, копал и утрамбовывал. Тоннель в итоге оказался прекрасен, как поле из васильков. Но я совершенно замёрз и решил дорыть его на следующий день, потому что морозы всё ещё неистовствовали, а занятия в школе вряд ли начнутся.

Лёжа вечером на диване с лицом академика наук, я почувствовал, что колени мои страшно разболелись. Мама сказала, что застудил.

Я вошкался в кровати от медленно нарастающей ноющей боли весь вечер. А уже ночью мои красные колени так опухли, что ноги практически не сгибались. Такое было ощущение, что в них залили жидкий свинец и он застыл. За ночь я всех одолел со своим нытьём, а к утру уже натурально помирал от страшной боли и выл на люстру.

Все страшно перепугались и решили немедленно депор-

тировать меня в районную поликлинику. Скорую помощь вызвать – телефона нет. Зачем, в конце концов, заставлять врачей лезть три километра по сугробам, если кто-то, КОГДА БЛЯТЬ МЕТРО РЫЛ – ЗАСТУДИЛ СЕБЕ КОЛЕНИ, А ТЕПЕРЬ НОЕТ!

Автобус до райцентра отправляется в 7.30. Шли мы долго, потому что я постоянно падал. Нести меня на руках не получалось, просто неудобно, а идти на костылях по узкой тропинке очень непросто – костыли тонут в сугробах, которые по пояс. Я страшно устал и хотел утопиться в реке, но она была засыпана снегом и вообще замёрзла.

Батяка меня поддерживал и страшно переживал.

– Вот тебе и метро... – говорил он, пытаюсь подбодрить. – Я, сынок, кстати, сам однажды принимал участие в строительстве метро Новосибирска. Мы тогда станцию «Площадь Ленина» строили, я плиты возил...

Дошли кое-как и сели в автобус. С учётом того, что ноги не сгибались, мне их чуть не переломали возмущённые пассажиры, расхаживая туда-сюда с сумками. Ехать полтора часа. В девять с лишним утра прибыли в райцентр и «метнулись» в поликлинику. С трудом взяли талон, просидели девяносто минут в коридоре, голодные и злые. Наконец, настала моя очередь.

– Что у вас? – спросил врач.

– Кхм... Да вот... метро строил, колени застудил... – развёл руками батяка.

– Метро – это монументально! – усмехнулся врач. – Снимай штаны.

Я с трудом стянул толстые ватные штаны.

– Так-так... Ну что, ничего страшного! – пощупал мои колени врач и скрылся в смежном кабинете. Вернулся он оттуда с тазиком и совершенно огромным шприцом, которым можно запросто накачать колёса БеЛАЗа.

С помощью этого я шприца выкачаю из коленок жидкость и вылью её в тазик, – улыбнулся врач. – Хочешь конфетку?
– Нет... – сглотнул я.

Больно, на удивление, не было совершенно, зато меня решительно позабавил «кисель», который выкачивали из моих коленей. Когда тазик наполнился и колени приняли нормальную форму, врач отложил шприц.

– Ну, вот и всё! Скоро нога снова начнёт сгибаться. Но пару дней посиди дома у печки. И больше никакого метро!

Мы с батькой просидели целый день в райцентре в холодном автовокзале, потому что автобус обратно только в шесть вечера. Вернулись домой. Я снова кое-как добрался до дому.

– Ну, что? Что?.. – в нетерпении спрашивает мама.

– Нормально всё, – коротко сказал батька. – Поваляется пару дней на диване и можно в школу ходить. Там у него кисель какой-то настудился, но всё выкачали и сказали валить по холодку.

– Замечательно! – обрадовалась мама.

Топилась печь, на плите жарилась картошка. Младшая

сестра немедленно заиграла в новую игру, выкачивая из коленей своей куклы «кисель» с помощью шариковой ручки.

– У-у-у, Лапша, дура! – хмурилась сестра. – Метро строила и колени застудила... ГОЛОВОЙ ДУМАТЬ НАДА!

Лапы, уши и хвост

Когда мы переехали из города в село, в котопсах появилась НЕОБХОДИМОСТЬ. Бабушка-соседка тётя Дуня тожественно вручила нам на время беременную собаку Чернушку и навсегда кота Мурзика. Мы с сестрёнкой страшной обрадовались. Годами копившаяся беспощадная детская любовь обрела счастливи́чиков. Пришло время подвергать нежностям и причинять неминуемую ласку собственным божьим тварям.

– Кот, а ты смотришь криминальную хронику? – нежно-при-нежно гладил я Мурзика, не сводя с него глаз, потому что он мой первый кот, а тот довольно урчал, как новый двигатель трактора МТЗ-80. – Вижу, что не смотришь. Но это пустяки, скоро начнём. Папа антенну поставит и начнём. Ты, вообще, теперь везунчик, потому что я твой хозяин.

Через месяц Мурзик отправился на небеса. Он сидел на заборе и безмятежно залипал в чудесный закат, когда мимо шла случайно-организованная банда псов. Натуральные головокусы. Естественно, возник конфликт длинны хвостов и в итоге мечтательного кота разорвали в клочья. Папа закопал ошмётки несчастного в конце огорода, за забором, где собственно тот и принял страшную смерть. Я ходил к нему чуть ли не каждый день, обещая отомстить. Но только днём. Вечерами появляться там я опасался, потому как мёртвый

едва знакомый кот внашл некоторую тревогу.

Мир оказался суров и беспристрaстен. К такому меня жизнь не готовила. Это ещё ничего. Потом Чернушка оценилась и тётя Дуня, сказала:

– Щенка оставьте. Остальных – утопите. Собаку я позже заберу.

Я сильно удивился. Найти в парке дохлую белку и смириться с естественным ходом вещей, мне, городскому жителю, было относительно легко, но топить щенков... А ведь бабуля произнесла это буднично и невозмутимо.

Вскоре я понял, что жизнь котопсов тут, конечно, ценили, но в целом относились так: «жил он жил, пока не помер, так что заведём другого». Здесь так принято. Так проще.

Когда батька топил новорождённых щенков в ведре за оградой, а я держал в руках единственного, кого решили оставить, мама сказала:

– Не переживай, сынок, все псы попадают в рай...

Выросшего щенка я назвал Дейзик. Это оказался невероятно умный пёсель, превосходный сторож и верный друг.

Но это был, по сути, мой собакен. Я с ним много разговаривал, играл, бегал, пытался дрессировать и прочее. Глядя на то, как мы безмятежно радуемся жизни, играя на улице, младшая сестрёнка однажды заявила:

– Я тоже хочу собаку.

Почему бы и нет. Так в нашем дворе появилась белая сучка по кличке Чара. С самого начала стало понятно, что

эта прекрасная белощёрстная собачка самое невероятно тупое и совершенно бесполезное животное во всём мире. Если Дейзик круглые сутки сидел дома и лаял на всё, что движется, изредка убегая за пределы усадьбы справить нужду, то подросшая Чара шлюхалась целыми днями где попало. Но сестрёнка её любила.

Однажды в самый разгар январских морозов Чара в очередной раз вернулась после трёхдневной командировки сама не своя. Невооружённым глазом стало ясно, что ей очень плохо. Она прятала морду в снег и вела себя неестественно. Казалось, что натурально мучается в агонии. Ближе к вечеру мне стало её совсем жалко. Она хоть и безмозглая, но наша.

Я отнёс Чару в предбанник, налил горячего борща и в тазик воды. Постелил старый полушубок. Там ей будет лучше, теплее и комфортнее, предположил я. Уже ближе к полуночи перед сном я решил проверить, как там у неё дела. Она лежала в том же углу. Борщ не тронут, как и вода. Я присел и погладил.

– Чара, Чара... Как ты? Почему ничего не кушала?

Шерсть была холодной. Я хотел было немного приподнять собаку, но она словно примёрзла к полу. Мне стало не по себе.

– Чара?

Я снова попытался приподнять её и, наконец, понял, что она совершенно замёрзла и стала каменной...

– Как там моя Чара? – спросила уже дома сестрёнка.

– Нормально, – озадаченно отозвался я. – Пап, там тазик с водой замёрз, я не могу вынести. Пойдём, поможешь.

Увидев Чару он понял, что дело не в тазике.

– Значит, сдохла. Дура... Сама виновата. Так, сынуля, сестрёнке ничего не говори. Утром скажем, что Чара просто убежала.

Батяка принёс мешок, запихал в него окоченевшую собаку, вынес на улицу и положил за оградой. Утром нужно было куда-то её деть.

Ещё я научился ответственности. Когда Мурзика не стало, нам определили другого кота, невероятно старого и матёрого Василия. Его изрядно потрёпанный вид и огромные усы говорили о том, что в юности он подавал снаряды на батарее Раевского, а потом тушил полыхающую Москву. Наконец, дело декабристов и ссылка сюда, в дремучую Сибирь. Прошли годы и вот он я, уже тащу храброго старого кота Василия в сарай, где мама заметила здоровенную крысу. Судя по размерам, крыса эта годами жрала одни только вагоны с протеином. Заметив наглую вражескую морду, Василий вырвался, метнулся и намертво вцепился ей в глотку. Крыса же, каким-то образом извернулась и, как ниндзя, зажала в своей поганой пасти васькино ухо. Так они и застыли, вцепившись друг в друга и рыча.

– Давай, Васёк, ты сможешь! – Дал я дельный совет коту.

Схватка остановилась на том моменте, на котором началась. Время шло. Кот начал уставать. Годы берут своё. Ухо

кровоточило. Я начал переживать, а потом понял, что старому вояке надо помочь. Сходил за ножом...

Где-то далеко, в большом городе среди «хрущёвок» на качелях сидели мои дворовые друзья, не зная, чем себя занять после уроков. Ещё буквально вчера я сидел рядом с ними. Мимо ехали трамваи, качались провода над проспектом железного Феликса, а я горячо рассказывал ребятам о мёртвой белке, и все были в восторге. Но это было в прежней жизни. Сейчас я находился в мрачном сарае на краю глухой деревни и импровизировал, пытаюсь зарезать крысу, чтобы спасти кота.

Отличная навозная сделка

Я, как десятилетний мальчуган, с уверенностью заявляю – заброшенная совхозная ферма – самое подходящее место для подвижных игр. Истинно говорю. Почему я так уверен? Да потому что дороги, перекрёстки и сооружения животноводческого двора – это как маленький городок. Приходишь сюда, и сразу становится ясно каков мир после ядерной войны: люди в одночасье ушли в подземелье, чтобы стать морлоками, а моя задача искать артефакты и причины гибели разумной цивилизации...

– Я тебе сказала – чтобы на ферму не ходил! – кричит мама и теребит меня за шкварник. – Нечего там делать! Играй в другом месте!

– В каком? – спрашиваю я.

Рядом на выбор следующие места – река-широка с трупом утонувшего бобра, лес дремучий с волками серыми, тлеющие торфяники на склоне холма и глубокий овраг, на дне которого в трясине залип автомобиль запорожец.

Мама злится, что играть получается больше негде и говорит:

– Здесь я задаю неудобные вопросы. Иди лучше отцу помогай навес строить. А то нашёлся тут, – фермер! Давай, пошёл!

Она уходит в дом. Я иду к батьке, который забравшись

на каркас будущего навеса перед баней, что-то там сверху колотит.

– Принеси гвозди, – слышу я от него сверху ценное указание.

Будет сделано. Иду к сараю. Смотрю в соседний двор. Вижу, как там на прясле сидит Серёга. Ждёт меня. Совхоз закрыли осенью и сейчас, весной, ещё есть шанс найти артефакты по горячим следам.

– Ну что, идём на ФЕРМУ?! А?! – кричит он мне.

Я в панике машу ему, как бы намекая, чтобы он блять так не орал.

– Тихо ты! – яростно выпучив глаза, громко шевелю я губами.

– Чо?.. – не понимает Серёга и раскачивает под собой жердь. Она скрипит. – Идём на ферму или нет? – снова орёт он.

Внезапно из дома выходит мама. Смотрит на меня. Я смотрю на неё. Она с подозрением переводит взгляд на прясло соседнего двора, откуда доносились провокационные возгласы. Но там уже никого нет. Серёга исчез как коперфильд. Ловкач. Мама озадачено хмыкает и уходит в летнюю кухню.

Я захожу в сарай. Там зачем-то околачивается младшая сестрёнка. Показывает мне алюминиевую крышку из-под кастрюли.

– Видишь, крышка гнутая? – спрашивает она.

Я киваю. Ага. Видимо, что-то придумала, чтобы её похва-

лили.

– Сейчас выпрямлю, – деловито сообщает сестра и кладёт крышку на верстак, сверху на неё кладёт шлифовальный круг для точильного станка. Закусив губу, выравнивает по краям. Всё чётко. Берёт молоток и со всей дури хуячит им по шлифовальному кругу. И раз и два. Круг ломается пополам.

– Тебе конец, – немедленно сообщаю я ей. – За поломанный шлифовальный круг тебя сдадут в детский дом.

Она начинает плакать. Мне становится её жалко. Я говорю:

– Давай так: если спросят, что круг поломал я. Но взамен будешь носить папе гвозди. Только без меня. По рукам?

Она, размазав сопли со слезами по своей чумазой мордашке, радостно соглашается на это щедрое предложение. Я закидываю поломанный круг в какую-то нишу, где его теперь только археологи найдут.

Иду в соседнюю усадьбу за Серёгой. Там дядя Миша нагрузил полную оцинкованную ванну навоза и тащит её за верёвку в огород.

– Ну что, Ильюха, давай папиросу! – весело говорит дядя Миша.

– Нету! Мне же десять лет, – отвечаю я.

– Молодёжь пошла – своего курева нет! – восклицает он.

Я нахожу Серёгу. Он сидит на завалинке и, кусая ватрушку с творогом, говорит, что ему надо помогать дяде Мише, но в целом тот и сам прекрасно справляется, поэтому скорее

бежим.

Через полчаса мы с Серёгой уже на заброшенной животноводческой ферме лазаем по крыше совхозной конторы. Тут наверху, как оказалось, полно пенопласта: прямоугольные плиты 1х1,5 м настолько крепкие, что из них можно сделать плот и отчалить в море лаптевых. Берём на заметку. Внутри конторы разбросаны бумаги, а стулья хаотично сдвинуты к стене; встроенные лакированные шкафы раскрыты, а на полу валяется портрет Ленина. Здесь явно побывали морлоки антикоммунисты. Идём дальше.

Долго смотрим на высокое сооружение зернотока, пытаюсь сообразить, как же попасть внутрь. Никак. Да и делать там нечего.

В коровниках навозные каналы источают соответствующие ароматы. Где-то под сводами урурукают голуби. Кажется, что здесь по-прежнему всё работает. Медленно идём посреди двухрядного стойла, пиная какой-то дырявый бидон. Тревожит ощущение, что сейчас сюда заглянет бригадир и даст нам пизды за то, что мы тут шаримся. Но нет. Коров сдали на мясо, а заслуженные обладатели почётных грамот передовые доярки и зоотехники теперь никому не нужны, сидят по домам и не знают, как им жить дальше.

Выходим к большому строению – это кормовой цех. Тут всё гораздо интереснее, поскольку внутри всякое оборудование.

– «АВМ-О65Ж». Что это? – читаю я.

– Не знаю. Включай, – говорит Серёга.

Я жму на все кнопки подряд и щёлкаю тумблерами. Велуха.

Дальше – навозохранилище. Наполненные водой вперемешку с навозом лагуны выглядят неоднозначно. Подходим к краю.

– Бассейны с говном, – говорит Серёга. – Прыгай.

– Сам прыгай.

Немного потолкавшись, слышим звук трактора и отчаянно бежим прятаться. Пригнувшись, стремительно минуем кормоцех и забегаем обратно в коровник. Глядим в мутное окошко. Во дворы въезжает К-700 с телегой.

– Это за нами... не надо было те кнопки нажимать, – говорит Серёга. – Мы что-то включили и совхоз снова заработал. Дебилы.

Трактор едет мимо. Слышим голоса мужиков. От страха быть пойманными и отпизженными, гусиным шагом движемся к выходу. Долго сидим в тамбуре, выглядывая в приоткрытые ворота. Вроде тихо. Сейчас или никогда! Выбегаем и на третьей космической скорости аки гепарды мчим прочь.

Дома матушка страшно гневается. Поняла, что я был на ферме.

– Твоя бабушка, между прочим, была передовой дояркой! – сообщает мама. – А я ей помогала и запах коровника ни с чем не спутаю! Говорила: не ходить на ферму! – (бьёт

меня по жопе) – Говорила?! – (ещё точный удар по жопе) – Говорила?! – (снова удар) – Говорила?! – (попадает по ноге, ведь я изворотливый) – ...а ну, не дёргайся!..

За ужином батька расспрашивает про ферму: где хранится навоз и какого качества; зачем приезжал трактор и куда ехал.

– Да я особо нигде не был... – отвечаю я, поглядывая на маму и раскладывая капусту из щей по краям тарелки. – Мимо коровника прошли, на зерноток посмотрели. Трактор увидели и убежали.

Мама не согласна и говорит:

– Нагло врёт. Всю ферму уже излазил и всё там прекрасно знает.

Я молчу. Они ещё что-то про ферму говорят, но я уже не слушаю: ухожу лепить из пластилина трактор К-700 с телегой.

С каждым новым днём заметно теплеет. Весна крепчает. Сосед дядя Миша по утрам выгоняет на прогулку скотину из пригона, который располагается как раз напротив моего окна. Каждый рассвет я теперь слышу, как он мотивирует коров и свиней быть активнее и радоваться солнцу:

– Прошмандовка ёбанная, блять! А ну, пошла! Хули встала! Тварь, сука, тупорылая! Давай, вперёд, нехуй топтаться в проходе! Быстрее, блять!

Как-то так. Мне даже иногда тоже хочется подняться рано, поскольку дядя Миша звучит крайне убедительно. Его

мама, старушка Мария Наумовна, открывая ворота на дорожку, обращается к скотине гораздо нежнее:

– Чушки, чушки, чушки... бегим-бегим, не стоим, мои хорошие!..

Своего скота у нас нет, поскольку мы только осенью переехали в деревню, но меня уже не устраивает перспектива с утра пораньше ходить в пригон.

После криков петухов и дяди Миши, батька предлагает:

– Хочешь на ферму?... – громко хлебая чай, спрашивает он.

Старик, очевидно, ещё вчера что-то задумал. Вероятнее всего, что-то такое, в чём будет задействован детский труд. Я отрицательно кручу головой. Не хочу. Хрена лысого я поднимусь с кровати.

– Ясно. Собирайся, – твёрдо сообщает отец.

Через полчаса мы уже едем. Привычно брякают борта, а грузовик местами раскачивает из стороны в сторону. Въезжаем на ферму.

– Где лежит навоз? – спрашивает батька.

– Там большие ямы, а там – кучами лежит... – указываю я.

Едем вдоль коровников, затем мимо кормоцеха. Поворачиваем налево. Проезжаем навозохранилища. Видим кучи навоза.

– Перегной! То, что надо! – восклицает отец и радостно поёт. – По улицам ходила большая крокодила... она, она зелёная была!

А я не удивлён. Нет. Почему бы с утра пораньше взрослому человеку не порадоваться кучам коровьего говна.

Половину дня отец энергично перекидывает перегной в кузов. Теперь я понимаю, куда трактор вчера приезжал – за старым навозом. Но зачем?...

Батяка ходит очень довольный вокруг полного кузова.

– Превосходное качество! Влажный, рассыпчатый! – набрав в ладони перегноя, говорит он. – Завтра в город поедем! Дачникам продавать.

От мысли, что мы отправимся в Новосибирск с полным кузовом коровьего навоза, мне становится тоскливо и неудобно. Это же стрёмно! Нас, наверняка, арестуют и упекут в тюрьму. Кто это купит?!

Но я оказываюсь неправ. Едва мы заезжаем в частный сектор Первомайского района, как нас окружают крайне подвижные бабульки. Хищно нарезая круги вокруг грузовика, они приговаривают:

– Отменный перегной! Влажный, рассыпчатый... Почём мешок?

– Нету мешков! – встав на ступеньку кабины, кричит им батяка, слово Ильич с броневика. – Несите свои!

Дачники исчезают в проулках, но уже через мгновение появляются с тележками и мешками. Мы лезем в кузов. Я держу мешки, а отец насыпает. Перегной исчезает на глазах. Бойкая торговля в разгаре. Кто-то кричит:

– Беру всё, что осталось! Заезжай в тот огород! Вот день-

ги!

В толпе дачников завязывается яростная полемика:

– А схуяли-загуляли тебе всё коровье говно достанется!..
Каждому – максимум по три мешка!.. Всем поровну! У тебя даже грядок столько нет!..

– Ты мои грядки не считай! Бюрократию не разводи! Карманы выворачивай! Горстку перегноя из кузова ухватила! Ворьё!

– Долой кулаков с дачных участков!..

– В очередь, по старшинству! – кричит интеллигентный мужик.

– Да пошёл ты нахуй! Последним пришёл и права качает!..

И так далее. Батька решает, что безопаснее и выгоднее будет продать всё мешками. Вскоре кузов пустеет. Отец сообщает, мол, не волнуйтесь, граждане, на днях снова привезу ещё партию. Кто-то неистово желает половину кузова оптом – сует бумажку с номером телефона, несколько мелких купюр задатком и бормочет: «По-братски. Отменные говна ве-зи. Договорились?»...

Возвращаемся домой поздно, поскольку дорога неблизкая – сто с лишним километров. Уставшие, но довольные. Кузов пустой – карманы полные.

– Надо ещё отвезти, – сообщает распаренный после бани батька. – Чудом отбились от этих дачников! Очень агрессивные личности!

Я с голодухи и усталости даже не стал кривляться, а про-

сто схлебал щи. Из последних сил улегся на кровать. Накапецта!

– Ты же хотел больше времени проводить на ферме? Пожалуйста! – с явными нотками ехидства говорит мне мама. – Отличная навозная сделка!..

Ладно-ладно. Смейтесь! Думаете, погрузка навоза отобьёт у меня желание искать артефакты и причины гибели разумной цивилизации на совхозной ферме? Даже не надейтесь! Вы меня сюда в сельскую глухомань сами привезли жить. Тут на выбор ещё много мест, где можно поиграть: река-широка с трупом утонувшего бобра, например, или глубокий овраг, на дне которого в трясине залип автомобиль заporожец. Везде интересно. Но заброшенная совхозная ферма – самое подходящее место! Истинно говорю!

Агроном наносит ответный удар

Во время завтрака в новостях снова показали Ельцина, которого я очень ловко пародировал, чем не раз смешил родителей.

– А ну-ка, сынуля, скажи: дорогие россияне!.. – предложил отец.

– Нет, – смущённо ответил я.

Немного распогодилось. Было солнечно, но уже довольно прохладно и ветрено. Отец отправился ремонтировать крышу мастерской. А мне, как городскому мальчугану, недавно переехавшему в деревню, большую часть времени заняться было нечем. Разве что читать. В кладовке хранились пыльные связки книг, где попалась «Занимательная агрономия». Полистав книгу и вскользь прочитав кое-какие параграфы, я отправился на улицу.

Заметив меня, отец крикнул:

– Сынуля! Подай молоток.

Я взял молоток и поднявшись по лестнице, передал отцу. Сейчас батяка начнёт этим молотком забивать ржавые выпрямленные гвозди, и мой словарный запас пополнится новыми яркими словами и словосочетаниями. Надо быть рядом. Кроме того, в книжке по агрономии я, как весьма смышлённый пятиклассник, прочитал много непонятного, поэтому решил кое-что уточнить:

– Пап, а что лучше, озимая или яровая картошка?

Отец напихал себе в рот гвозди, которые поочерёдно забивал.

– Фто?! – ловко придерживая гвозди то ли нижней, то ли верхней губой, произнёс он озадаченно.

– Я говорю, что лучше: озимая картошка или яровая?!

– Фто, млять?!...

Отцу хотелось сказать что-то ещё, но он не мог, потому что для произнесения некоторых слов у него слишком много гвоздей зажато губами. Если забить ещё два-три гвоздя, и можно будет сказать. Но нет, вопрос задали сейчас. Молчит. Только гвозди невнятно брякают что-то на «ять»

– Ладно, потом скажешь. А я, пойду, у меня дела, – сказал я.

Я вернулся домой и снова начал познавать азы агрономии. Ближе к обеду я отправился в летнюю кухню, стоящую отдельно от избы. Мама месила тесто, вытирая тыльной стороной ладони лоб.

– Мам, а зачем нужен серп? – спросил я.

– Чтобы урожай собирать.

– Картошку?

– Нет. Пшеницу, например, – раскатывая по столу куски теста, пояснила мать. – Сейчас серпом уже никто не пользуется. Вручную урожай не собирают. Зерноуборочные комбайны для этого есть. И вообще, что ты слоняешься из угла в угол?..

– Зерноуборочные комбайны... – важно произнёс я. – Это те, которые ржавеют на сельской свалке?

– Да.

– А кто тогда урожай собирает?

– Никто. Развалился совхоз. Нет урожая.

Мать кладёт раскатанное тесто в сковородку.

– Отца позови, скажи, что обедать будем, – говорит она.

В летней кухне жарко. Тихо говорит радио. Отец своими большими ладонями ломает лепёшку, хлебает щи.

– Пап, а если нам оставить пол огорода под пар? – деловито предлагаю я сельскохозяйственную тему для разговора, набравшись всяких терминов из книжки по занимательной агрономии.

– Пар?.. – спрашивает он озадаченно и смотрит на мать.

– Ещё не надо выкапывать часть картошки и будет она весной озимая.

Родители переглянулись.

– А весной, стало быть, закопаем яровую... – завешаю я умную мысль.

На плите забурчал чайник.

– Что ты целый день всякие ерунду городишь? – говорит отец.

Я беру тёплую лепёшку, кусаю и с набитым ртом поясняю:

– Агрономию изучаю.

Через полчаса я пришёл к приятелю-однокласснику Кольке. Мы прошлись по селу и вышли к свалке сельхозтехники.

Залезли в ржавеющий «Сибиряк». Наугад дёргали рычаги в кабине, пока не надоело. Когда уборка урожая завершилась, мы отправились жевать гудрон и встретили дядю Володю.

Его гусеничный трактор ДТ-75 жутко тарахтел и сотрясал землю. Дядя Володя громко поинтересовался, какого хера мы тут делаем возле свалки. Я сообщил, что водили комбайн. Дядя Володя вылез из своего гусеничного исполина и по-отечески полохматил наши мальчишеские косматые волосы:

– Я войну чуть постарше вас был, когда сел за трактор. Пойдёмте, хлебобобы, – сказал он.

Мы вернулись к «Сибиряку». Дядя Володя доходчиво объяснил, как устроен комбайн, что у него и как работает, точнее, как работало.

Затем дядя Володя укатил по делам. Колька решительно заявил, что он уже, оказывается, не просто так, а заядлый комбайнер и залез в соседний остов комбайна «Нива».

Следующий час из кабин доносились детские крики:

– Шнек на выгрузку!

– Поднять жатку!

– Бункер пуст!

Ближе к вечеру небо заволокли низкие чёрные тучи и я, совершенно вымотанный уборочной страдой, отправился домой. Присев на скрипучее прясло в конце огорода, задумался о том, что сказать маме. Говорить о том, что я проторчал весь день посреди разобранной и ржавеющей сельхозтех-

ники решительно нельзя. Как, например, и лазить по руинам заброшенных телятников. Да где угодно на территории брошенной совхозной фермы играть категорически запрещено.

– Это, сынуля, не безопасно! – предупреждала мать. – Упадешь в навозохранилище и потонешь в коровьих говнах!

На ужин мама пожарила картошки. За окном постепенно смеркалось. Сентябрь выдался холодным. А дома было тепло и уютно. По телевизору шёл какой-то эстрадный концерт с артистами, про которых и так целыми днями крутили сюжеты по всем передачам.

– Ну что, юный агроном, чем сегодня занимался? – усмехнувшись, спросил отец. – Измерил огород под пар? Подготовил семена яровых? Проверил посевы озимых?..

После ужина Я вышел на улицу и залез на крышу мастерской. С холма, где стоял дом, было прекрасно видно руины совхозной фермы, а особенно – высоченный элеватор. А уже слева – свалка сельхозтехники. За ней по краям от дороги тянулись обширные поля, заросшие всякой травой.

«И как мне стать агрономом, если уже ничего нет? Или комбайнером? Никому это не нужно. Всё растащили. Сволочи!..», – с досадой подумал я.

– Чем ты тут занят? – неожиданно спросил отец.

Я ловко спустился по лестнице.

– Что-то я уже не хочу быть агрономом, – с грустью ответил я.

– И кем же ты будешь? Космонавтом, милиционером, вра-

чем? Все профессии нужны, все профессии важны. Помнишь?

– Да. Но, кажется, лучше быть артистом. Их постоянно по телевизору показывают. Пой себе песни и всем это нравится.

– М-да... – отец бросил окурок в старое гнутое ведро. – Докатились.

Когда отец ушёл, я заметил, что ему идея про эстраду совершенно не понравилась. Я вспомнил слова дяди Володи:

«Это хорошо, ребята, что вы техникой интересуетесь, – завершив укоренный курс молодого механизатора, сказал он. – Придёт время и наши поля снова будут хлебными. Сядете вы за комбайны, новые, мощные и отправитесь на уборку урожая, бить рекорды. Кормит ведь не пашня, а нива. Будет хлеб – и всё будет. И ваши портреты, как лучших механизаторов, установят на доску почёта. А дома возьмёте в руки хлеб и будете знать, каким трудом он достаётся, пусть тяжёлым, но благородным. Истинно русским».

Вернувшись домой, я решительно заявил голосом Ельци-на:

– Ладно, ваша взяла! Дорогие россияне!..

Взял лепёшку и, намазав малиновым вареньем, деловито продолжил:

– Не хотите картошку, значит, будем завтра сеять озимую морковку!

Интеллигентная завязка

«Я в телогрейке у печурки,
запив чайком печаль-тоску,
кидаю в топку по три чурки,
и жду каникул по звонку...»

– Хм... – я начал грызть колпачок ручки, размышляя над продолжением. В школе все увлекаются шансоном, а за модой надо следить. Пока что получалось не очень. Начало, как обычно, мне удалось придумать сразу, а вот дальше мысли расплывались. Здесь важно найти первую строчку следующей строфы, а там ямбы и хорей сами откинутся на вольный лист.

Итак, дальше надо что-то жалостливое про матушку...

Дверь в комнату неожиданно открылась, и зашёл батяня.

– Что делаешь? – спросил он.

– Да так... – пожал я плечами.

– Зачем новую фуфайку надел? – озадаченно нахмурился он.

– Тут холодно.

– Летняя комната для того и предназначена, чтобы в ней летом находиться, а не осенью, – пояснил батяня. – Снимай фуфайку и повесь обратно в кладовку.

– Я стих пишу про осень и свою нелёгкую судьбу шести-

классника, – заявил я. – Надо прочувствовать прохладу и свежесть осеннего очарования.

Батяня округлил глаза, которые от чего-то подозрительно засверкали.

– Вот кстати завтра и прочувствуешь всю необходимую ПРОХЛАДУ и СВЕЖЕСТЬ, – загадочно сообщил он.

Это могло означать только одно – скоро в нашей семье в очередной раз начнут использовать бесплатный каторжный детский труд одного малолетнего поэта.

– Это в смысле?.. – я закрыл тетрадь и отложил ручку.

Батяня выдержал театральную паузу, а потом торжественно и очень радостно выдал:

– Снопы будем вязать!

Я обречённо стянул ушанку с головы и сжал в ладонях.

– Какие ещё снопы?..

– Льняные, – сказал батяня. – Короче, завтра в школу не идёшь. В поле поедем работать.

В комнату зашла мама.

– Идите кушать.

– Я не хочу... – растерянно сказал я.

– Правильно! – радостно заявил батяня. – Вон дармоедов из тёпленьких мест! Кто не работает, тот не ест!

И ушёл, напевая «Нам песня и строить, и жить помогает...».

– А ты зачем новую фуфайку напялил? – тоже довольно озадаченно поинтересовалась мама.

Я же висел от батькиных новостей в мысленном вакууме, и фуфайка в этой ситуации казалась совершенно незначительной мелочью.

– Стих пишу про осень... – не думая, ответил я маме, пытаясь представить, как я, последний сельский интеллигент, поэт и художник, корячусь при вязке льняных снопов в каких-то влажных и тоскливых полях.

– Сними и повесь в кладовку, – пригрозила мама. – И бегом за стол.

Мама ушла, не напевая никакой песни.

Я зачем-то снова открыл тетрадь. Но бесполезно. В таких условиях работать было невозможно. Неясные мысли окончательно рассеялись. Меня только что впутали в сомнительное мероприятие сельскохозяйственного направления, а я не смог придумать правдоподобную отмазку. Теряю хватку.

Потупив в тетрадь несколько минут, я всё-таки начал записывать:

«От звонка до звонка...

Завтра снова в тайгу...».

Мысль остановилась. Я посмотрел в окно. Продолжение не клеилось. Я пребывал в медленно нарастающем ужасе от предстоящего завтрашнего дня.

«Звонка. Чифирка...». Хм. «Звонка. Загубили Витька...». «Уж лучше в школу, чем снопы вязать...». «Звонка.

У ларька...». Хм...

– Я СКАЗАЛА БЫСТРО ЗА СТОЛ! – услышал я голос мамы.

Ранним солнечным утречком меня разбудил стук ложки о глубокую тарелку. Батяка завтракал борщом, обильно заедая салом. Я поднялся с койки.

– Подъём сынуля. Впереди трудовые подвиги! Садись, ешь.

Я решительно не разделял его энтузиазма. На соседней койке сладко спала младшая сестрёнка, прижав к пухлой щеке свою куклу Лапшу. Везёт же. В школу пойдёт сегодня, в отличие от меня. Я сел за стол.

– Не хочу, – протёр я глаза, всё ещё надеясь, что мы никуда не поедем.

– Ну и зря, – хмыкнул батяня. – Погрызи хотя бы косточку.

Я скривил рожу.

– Интеллигент хренов, – хмыкнула мама. – Может тебе лобстеров подать?

– Нет, спасибо, я чайку попью.

Через полчаса, когда ещё только занималась алая заря, мы собрались и отправились на место сбора к огромному дому дяди Васи Фишера.

У его усадьбы уже тарахтел трактор МТЗ-80 с прицепом, в котором расположились люди. Они все чему-то радовались

и вели себя до противного громко и активно. Женщины в платках смеялись, мужики курили, а бригадир стоял рядом и записывал прибывших в тетрадку. Батяня зарегистрировал нас, после чего мы забрались в прицеп и заняли свои места. Когда собрался полный комплект льноводов, трактор издал рёв, и мы дружно покатали в неизвестном направлении.

Чем хуже становилась дорога, тем быстрее гнал тракторист. Прицеп лихорадочно скакал из стороны в сторону, словно нас готовили к выходу на орбиту. Женщины, дружно охали, а мужики орали:

– Коля! Не дрова везёшь!

Но дядя Коля решительно ничего не слышал, потому что врубил на полную громкость свою магнитолау:

«Как ты ворвался в мою жизнь сама не знаю,
Сама себя порой никак не понимаю.
Кружился ветром ты шальным и ненадежным,
Но разлюбить тебя теперь уж невозможно...».

Надрывались Марина Журавлёва из старых динамиков.

Чтобы не улететь на очередной ухабине в кувейт, я вцепился руками в холодные борта прицепа и крепко подогнул ноги под лавку.

Огни родного села исчезали за горизонтом.

– Куда едем-то? – спросил кто-то.

– За Смородинку!

«За Смородинку!...», – ошалел я.

Испытания выходили на совершенно новый уровень.

До деревни Смородинка пилить семь километров через лес. А ещё эта самая деревня настолько давно заброшена и в ней настолько давно никто не живёт, что даже руинов не осталось. Дремучая пустынная безлюдная глушь.

Моя тонкая поэтическая и художественная душа дрогнула. Выпучив глаза, я посмотрел на батяню и сказал:

– Я такое не переживу.

Он положил мне свою ручищу на плечо, и, крепко прижав к себе, заявил:

– Держись, сынуля! Скоро откроется второе дыхание!

– У меня или у тракториста?.. – уточнил я.

Мы завернули на лесную дорогу.

– Эх! Ты лучше посмотри, какая свежесть и прохлада вокруг! Фактура! – радостно воскликнул батяня. – Уж небо, как говорится, осенью дышало. Уж реже солнышко блистало...

Я вжал голову в плечи и зажмурился.

«Мама, мамочка, разбуди меня, пожалуйста, в школу...».

Через полкилометра я начал молиться:

«Боженька, я никаких молитвов не знаю, но, если ты меня слышишь, сделай что-нибудь...».

Когда мы прибыли в поле, стало немного светлее. Легкий иней окутал местную природу. Вот-вот должно было показаться коварное октябрьское солнце, которое светит, но со-

всем не греет. Но оно не показывалось. Всё заволокло туманом. Я уже достаточно околел по пути, чтобы понять очевидное – рано или поздно я очочуюсь и это лишь вопрос времени.

Бригадир размечал границы участков каждой мини-бригаде.

– Ваши вот эти, – показал о несколько валков льна. – Потом покажу следующие.

Семейный подряд начался. Закруглёнными вилами батька собирал необходимое количество льна, а я пучком этого же льна перевязывал его в охапку и ставил. Снопки медленно, но, верно, вставали за нашими спинами.

Минут через пятнадцать я уже не чувствовал от холода пальцев рук и ощущал зверский ГОЛОД. От этого у меня в голове застрял один очень простой образ – тарелка горячего ароматного борща, а рядышком нарезанное сало с прослойками мяса, россыпью тмина, чеснока... В избе топится печь, от которой по комнатам расходится тепло. Я плотно поел и лежу в новой фуфайке под одеялом. Мне тепло и комфортно. А сестрёнка собирается в поле вязать лён.

– Шевелись! – слышу я голос батьки. – Хватит сопки на кулак наматывать!

Постепенно от стресса и холода мой организм начал вырабатывать небывалое количество тепла, словно старый утюг с углями. Пальцы постепенно отогревались. Я вошёл во вкус. Но ресурсов моей тощей поэтической природы «кожа да ко-

сти» надолго бы не хватило. Голод усиливался до нестерпимой боли в животе.

– Перерыв на обед! – послышалось через пару часов.

Приехала полевая кухня. Я настолько сильно хотел жрать, что немедленно телепортировался к источнику пищи. Растолкав всё ещё весёлых женщин в платках и хмурых мужиков с примамы, я бросился к раздаче, как на амбразуру. Сожрав две порции ненавистной гречки с ещё более ненавидимой тушёнкой, я уселся на колесо полевой кухни и достал из левого кармана конфету «Барбарис», которую утром незаконно стащил из серванта. Конфетуля была так прекрасна, что я не мог сдержать улыбки счастья.

– ...лето было холодное, долгунец не успел созреть. Пока скосили, пока просушился... – слышу я голос бригадира.

– Ну что, как самочувствие? – вдруг откуда не возьмись, появился батяня.

Я достал из кармана карамельную конфету «Рачки», вручил ему и сказал:

– Не дождётесь!

Он закурил.

– Надо работать поживее, а то ничего не заработаем.

Я незаметно развернул в левом кармане следующую конфету «Грильяж» и быстро запихал в рот.

– Холосо, я постараюсь. Будешь ещё конфету?

– Давай.

Я снова вручил ему «Рачки».

Мы ещё немного посидели, а потом нам определили следующие валки для вязки снопов. Мне даже начало нравится.

Обратную дорогу дядя Коля уже так не гнал. За день он изрядно набрался впечатлений, поэтому ехал аккуратно. Кассету Марины Журавлёвой зажевало, поэтому он грустил. Женщины всё также чему-то радовались, мужики продолжали непрерывно курить, а бригадир хмуро считал валки у каждой пары работников, чтобы по приезду сразу же рассчитать.

Я всю дорогу глядел на извилистую дорогу, которая оставалась позади.

Заработали мы немного. Батька расстроился. Я тоже. Платили очень мало. Тут, как говорится, зарплата маленькая, зато работа тяжёлая и сложная, поэтому непременно соглашайтесь. Но по-другому денег не заработать.

Пришли домой. Топилась печь и тепло расходилось по комнатам.

– Ну, что, интеллигенция хренова, – усмехнувшись, обратилась ко мне мама, запуская поварёшку в кастрюлю. – Как прошёл день?

– Нормально, – пожал я плечами, глядя на то, как она наливает мне в такую же, как у батьки, глубокую тарелку ароматного борща и с умным видом бывалого агронома заявил: – Лето было холодное, долгунец не успел созреть. Пока скосили, пока просушился...

Поели. Батька ушёл курить в сени, мама начала мыть по-

суду, а сестрёнка сидела перед телевизором. Я незаметно достал из кармана куртки фантики из-под съеденных в поле конфет и бросил сестре под кровать. Как ни в чём не бывало сел за стол, открыл тетрадь и начал записывать:

«Уходит вдаль дорога через чащу,
А я прицепе, самокрутку заверну...».

Недостающее ведро

На скамейке у нашей калитки собрались абсолютно все соседи. То есть две бабушки-старушки – Мария и Евдокия. Наши три усадьбы скучковались за рекой на холме у огромной ели. Чуть в стороне от села. Остальные ближайшие наши соседи проживали в полукилометре вниз по дороге и поэтому не считались для сходки.

На повестке дня было решение крайне важного вопроса именно для нашего заречного автономного микрорайона.

Шахта колодца, уходящая вглубь веков, сложенная из сруба, предательски завалилась этим самым срубом, основательно закупорив источник чистойшей колодезной водички. Пить и щи варить, стало быть, получилось не из чего.

– Сгнил, видать, сруб-то, – предположила тетя Маша.

– Ага, хай ему сто чертей! Копать надо, – предложила тетя Дуня.

Бабушки вопросительно посмотрели на моего баяню. Тот, распахнув телогрейку, опёрся локтем на штaketник, потому что на скамейке местов больше не было и отрешённо взглядывался вдаль, покуривая.

– Давно хотел спросить, – сказал он. – Что это за роща вон там, неподалёку, перед лесом.

От нашей калитки до этой берёзовой рощи было метров восемьдесят.

– Деревья как-то странно растут и насыпь вроде какая-то по периметру... – задумчиво продолжал батяня.

Все посмотрели на загадочную берёзовую рощу напротив наших усадеб и немного помолчали, созерцая тусклые краски поздней осени.

– Кладбище там, чалдонское... – внезапно пояснила тётя Дуня и тут же спросила: – Раскопки, спрашиваем, когда начнутся? Батяня вздрогнул.

– Какие раскопки? – напрягся он. – ...чалдонов?

Тетя Дуня накинула с плеч на голову узорчатый платок, туго подвязала у подбородка и невозмутимо заметила:

– Колодца. Скоро зима, а воды нет. Копать надо, колодец-то.

– Оно и верно. Скоро мухи белые прилетят, – поддержала тётя Маша.

– Ах, да, колодец... – снова задумчиво проговорил батяня и выбросил окурок. – Кто бы мог подумать: кладбище... Мы тут уже год живём и не знаем.

За прошедший год после переезда из городской благоустроенной квартиры лично я смирился с нелёгкой крестьянской долей и отсутствием всяких удобств. Водопровод? Размечтался.

Питьевая вода добывалась из колодца, для чего требовалось определённое мастерство ниндзя-коромысло.

Вооружаешься коромыслом, ведрами и вперёд, по тропинке. Отодвигаешь дощатую крышку шахты, крутишь во-

рот барабана от себя, чтобы трос натянулся, аккуратно отпускаешь черпающее ведро над бездной шахты и затем откручивая ворот, опускаешь ведро.

Дубовый сруб, который, наверное, смастерили ещё во время туристических поездок Ермака, уходил вниз на тринадцать метров.

Набрал воды. Поднял. Вылил. Шахту закрыл. Ведро-черпак повесил. Цепляешь коромыслом домашние вёдра и шагаешь обратно, не выплёскивая.

И вот теперь таскать, стало быть, стало нечего. Воды там внизу – нет и задача номер один – вернуть её населению.

Для проведения трудоёмких земляных работ батяня выписал из райцентра своего приятеля – дядю Витю Лаптева, знатного плотника и давнего кореша, знакомого ещё с тех времён, когда Гагарин в Новосибирск прилетал за сибирскими пельменями. Они глядят на колодец. Батяня угощает напарника папироской и говорит, глядя в шахту:

– Глубина примерно два жирафа, если один другому на плечи встанет.

– Хм... – деловито замечает дядя Витя и отодвинув дощатую крышку, смотрит на дно колодца. – И попугай, – добавляет он.

На следующий день начались раскопки. С каждым новым часом по периметру колодца стремительно росли кучи земли и конструировались строительные леса. Я бегал вокруг и орал:

– Нашли?! Динозавров нашли?

– Нет, – смеялись они. – Глубина небольшая.

– Ищите! – подбадривал их я и скакал по насыпи. – Давайте, поживее, что ли! Эх! Мне в школу надо... Вот бы попалась башка тираннозавра...

Выкопав большой квадрат, они начали рыть периметр меньшего квадрата, а землю складировать в первый, большой. И так далее. Старый предательский сруб был изъят из шахты и на дне нарисовалась водичка.

Привезли берёзовое долготьё. Батяня распустил бензопилой стволы и напилил нужные отрезки. Смастерили новый сруб до половины шахты. Ниже всё держалось. Опустили и закопали.

Все страшно обрадовались и забегали с коромыслами, весело позвякивая вёдрами. Бабушки-старушки сильно довольные, заявили:

– С вас колодец, с нас могоарыч!

Дядя Витя уехал обратно в райцентр довольный, сытый и выпивший.

Не прошло и года, как завалилась нижняя часть сруба шахты, ещё более основательно закупорив источник колодезной водички. Тут уже безо всякой сходки стало очевидно – пришло время уже традиционных осенних раскопок.

Но только копать батяня не стал, а спустился вниз поглядеть с фонариком. Там внизу, примерно под нижними слоями палеозоя, он долго ворчал и матерился. Видимо, на ожив-

шие окаменелости, которые попросили закурить, поскольку из шахты шёл довольно густой дым как минимум от трёх папирос.

Затем дым рассеялся и батяня показался на поверхности.

– Плывун уплыл, всё выдавил и завалил, – хмуро ответил он.

Уже через час я крутил ворот барабана, поднимая тросом на поверхность фрагменты развалившего сруба. Выпучив глаза, я пыхтел от натуги.

Когда батяня спускался в шахту, чтобы разбирать завал, он включил налобный фонарик и сказал мне совершенно серьёзно, взяв за плечи:

– Сын. Если всё обвалится – можете просто на месте колодца крест воткнуть и написать: здесь лежит Игорь Александрович, который не соблюдал технику безопасности.

Такой расклад мне совершенно не понравился.

– Я буду цеплять куски сруба, а ты – вытягивать на поверхность, – продолжил он. – Не смей отпускать! Иначе меня там зашибёт раньше, чем завалит. Понял? Опасно, но других вариантов нету. Поехали.

Он исчез в глубине.

– Вира! – орал он снизу и дёргал за трос.

Я поднимал. И, судя по весу, бульдозер.

Холодный ветер с дождём усиливался стократно. С каждым осенним днём приближалась стужа. Не сказать, чтобы я был мерзляк, но руки мои коченели от пронизывающего хо-

лода. Верхонки постоянно намокали от влажного сруба, который я, как только вытащу, кантовал в сторону. Жрать хотелось невероятно и постоянно. Я с удивлением подмечал, что хочу горячих щей, которых ещё вчера терпеть не мог. Из шахты периодически шёл папиросный дым. Батяня иногда кричал:

– Перекур!

Я слышал, как он поднимается по лестнице. Высовывал голову на поверхность, абсолютно весь измазанный в какой-то жиже.

На улице уже смеркалось, а сильный ветер с мокрым снегом игриво трепал торчащие арматуры на опорах электросетей. Батяня говорил:

– Как же тут светло и свежо!

Затем они снова исчезал в глубине.

– Вира!

Я крутил ворот.

Так продолжалось пару дней. Мне даже в школу ходить было некогда. В особо тяжёлые моменты мне помогала младшая сеструха. После работы – матушка. Я так сильно уставал, что не было сил даже ужинать. Я мечтал, чтобы это всё скорее закончилось, и я пошёл в школу. Каждый день топились баня, где я сидел и смотрел в одну точку, в надежде согреться.

– Хочешь посмотреть, что там внизу? – однажды спросил батяня, высунув своё измазанное лицо из шахты.

Он разрешил мне спуститься только до края нового сруба, который они с дядей Витей смастерили в прошлом году. В шахте влажно и заметно теплее.

– Немного осталось, – пояснил батяня.

Вокруг колодца я сложил натуральную крепость из старого сруба. Он был практически жёлтым, волокна древесины сильно выделялись. Сперва я бросал всё хаотично, но затем решил построить форпост. Когда старый брус закончился, я начал поднимать жижу и опускать пиломатериал. Батяня внизу приколачивал продольные доски и укрепляя стены, ставил распорки.

Проклятая жижа не заканчивалась. Уж не знаю, что там должно было начаться дальше. Нефть? Дракон? Земля Санникова? Оптимус Прайм?..

Однажды, когда я уже потерял счёт дням, мышцы мои были не хуже ветра, кожа стала безразлична к холоду, а мыслительная деятельность сводилась к примитивным желаниям согреться и отдохнуть, из шахты донеслось заветное:

– Всё! Вода пошла!

Затем показался дым от папиросы. Я не сел, а просто тут же лёг на холодную землю, укрываемый от ветра стенами своего форпоста и наслаждался тем, что просто не шевелился.

– А в школе сегодня рыбный день был, – услышал я голос младшей сеструхи. – И пюре. Слышишь?

У меня не было сил ответить.

Из шахты вылез батяня и осмотревшись, не сразу меня увидел.

– А где твой братюня? – спросил он сеструху.

– Там.

Цвет моей рожи и верхней рабочей одежды мало чем отличался от грязного бруса и жижи.

– Ах, вот ты где! – воскликнул батяня. – Вода набирается. Эх! Не успели дно смастерить. Да и хрен с ним. Я чё-то устал.

Повернувшись к сеструхе, я философски спросил:

– Знаешь, сколько мы жижи вытащили и сруба? Глубиной два жирафа примерно, это если один другому на плечи встанет. Такие вот дела, – я сел и попытался отряхнуться. – В общем-то, пустяки...

В этот великий день, когда снова появилась питьевая вода, мне разрешили после ужина попить целых два раза чаю с сахаром.

На утро все опять же страшно обрадовались и забежали с коромыслами, весело позвякивая вёдрами. Белые мухи скрыли мой форпост под белым покрывалом ноября. Жижка встала натуральным колом, как лава. Я, наконец, отправился в школу.

– Ты где был? – спрашивали меня.

– Рыл проход к центру Земли и строил крепость, – деловито отвечал я.

Все одобрительно кивали бошками.

На скамейке у нашей калитки собрались абсолютно все

соседи. Это был обыкновенный вечерний сход для сообщения различных важных сплетен и обсуждения нового бразильского сериала «Роковое наследство». Батяня, распахнув телогрейку, опёрся локтем на штакетник, потому что на скамейке местов больше не было и отрешённо вглядывался вдаль, покуривая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.